

Емельяненко Александр , журналист «Российской газеты»

- Воспоминания об Алексее Владимировиче связаны с какими-то конкретными эпизодами из наших встреч. Их, конечно, много, но вот один, пожалуй, он всегда со мной.

Это такой, знаете, урок. Может быть, жизни, может быть, отношения к делу

Незадолго до того, как Алексей Владимирович уже всерьез заболел, я обратился к нему с очередной идеей. Такой зажигательной:

«Алексей Владимирович, давайте вместе вот что-то сейчас такое завернем, закрутим...». Он как всегда внимательно слушал, до конца выслушал, доброжелательно. А потом говорит: «Знаешь, с недавних пор я понял, что дай Бог мне завершить то, что начал. То, что есть в моей голове, никогда не реализовать. Поэтому, чем смогу помогать буду, но, пожалуйста, не втягивай меня с головой в свои идеи, потому что...ну, вот человеку отведено ровно столько, он сможет и, дай Бог, я хочу завершить то, что я считаю нужным. То, что я когда-то начал, то, что я когда-то построил, поднял, по тревоге позвал на баррикаду».

И я тогда даже не то, чтобы обиделся, но вот размышлял и до сих пор это помню. Наверное, это очень правильно - делать то, что сам начинаешь и, рассчитывая на собственные силы. Не разбрасываться, не хвататься за все подряд, а доводить до конца, до какого-то результата, логического завершения того, что ты сам начал. И рассчитывать на свои силы. Этот урок «от Яблокова» со мной до сего дня. Не всегда удается ему следовать, но это по-человечески, мне кажется, очень ценное правило.

И я знаю, что у самого Алексея Владимировича задумок, проектов было очень много, и многие из них успешно завершились, другие продолжаются, а какие-то, что тоже очень важно, подхватили его друзья, соратники, коллеги.

И они развиваются уже под их руководством, с их участием, что тоже, конечно, есть подтверждение тому, что начатое Яблоковым, оно не умерло вместе с ним, оно продолжается в делах других людей. Его соратников, его коллег, его друзей.

Мы с Яблоковым вот так близко чтобы за рюмкой или в каких-то экспедициях, поездках не были, хотя знали друг друга и познакомились довольно давно.

Связано это было с тем периодом, с выборами народных депутатов в 89-ом году. Первыми свободными выборами в Советском Союзе, когда потом мы избирали президента, а до этого избирали народных депутатов

Яблоков был избран, как известно, от Академии Наук, а я попал в депутаты с Севера, от территориального избирательного округа Куды входила в том числе и Новая земля с ядерным полигоном. .

На волне протестных выступлений антиядерных, против ядерного оружия, испытания особенно его на полигонах, мы с Яблоковым и познакомились. Тогда встал вопрос о закрытии полигона в Семипалатинской области, и автоматически все это переносилось к нам на север на Новую землю. И понятно, что с этим не могли согласиться ни местные жители, ни власти тогда.

Депутаты, избранные от Мурманской и Архангельской областей, Калининского округа тогда объединились. И тогда нас свела судьба с Яблоковым, который в тот момент еще не был объединяющей фигурой такой для всех экологов страны России. Он потом такой фигурой стал. И для меня Яблоков конца 90-х, начала 2000-х - это не просто компромиссная фигура, это фигура объединяющая. Потому что экологическое движение очень разношерстным было. По-разному развивалось в разных концах страны, в городах и регионах. И порой единомышленники переставали друг с другом общаться. Алексей Владимирович находил способы, пути какие-то посадить всех за один стол и еще раз призвать всех к тому, что «ребята, у нас общая цель».

Это было время, когда понятия «гражданское общество» и «третий сектор» только-только входили в оборот. Никто про это ничего не знал. Я помню удивление, когда из уст тогда еще не губернатора, а первого секретаря обкома партии прозвучало выражение «гражданское общество», что мы тоже это поддерживаем и за то, чтобы оно развивалось...

И представители «третьего сектора» просто рукоплескали такому руководителю, что вот есть, оказывается, люди, которые понимают, как должна развиваться наша страна.

Был момент, это связано с подготовкой Доклада о захоронении радиоактивных отходов в Северных и Арктических морях.

Алексей Владимирович тогда занимал большой, по тем временам и по нынешним, пост советника президента России Ельцина. И окна

его кабинета выходили на Ивановскую площадь Кремля. И мне в этом кабинете довелось бывать не один раз и не два. Яблоков, пользуясь поддержкой Ельцина, задался целью разобраться с тем, что долгие годы тайно делал Советский Союз, и что отрицалось на международных конференциях. 30 лет подряд в Арктические моря и на Дальнем Востоке мы сбрасывали отходы деятельности нашего военного и гражданского атомного флота. Сливали жидкие отходы и затапливали твердые, в том числе аварийные реакторные отсеки и даже целиком атомную подводную лодку аварийную. Затоплена она была у Новой Земли. Когда эти факты вскрылись, Яблоков добился распоряжения Ельцина о подготовке такого доклада, чтобы отмести все надуманные обвинения и разобраться с тем, что было. И привлек к этому вот в таком неформальном качестве депутатов, журналистов, экспертов. И я оказался в этом кругу.

Яблоков поступил так: была создана официальная комиссия, которая периодически собиралась в его кабинете, и были мы, эксперты от общественности, которые рецензировали то, что руководители и специалисты приносили из своих кабинетов. Как правило, они что-то припрятывали, скрывали. В итоге, работа была организована таким образом, что Алексей Владимирович какими-то своими приемами сумел вытянуть из тех, кто этой информацией владел, даже если не хотел делиться, всё, что можно было в этот момент.

«Белая книга», которая была издана 25 лет назад и презентована в Москве, официально была встречена и принята не только официальными инстанциями, но и самими, может быть, радикальными на тот момент экологическими организациями, включая ГРИНПИС, Беллону и так далее.

Яблокова после этого еще больше уважали, не смотря на то, что он занимал пост Советника Российского Президента.

Работа над «Белой книгой» - это тоже жизненный урок того, как можно организовать очень болезненный процесс и добиться результата...

Понимая, что есть у этого противники, но есть цель: сделать неявное явным. Поскольку тогда все мы следовали одной твердой заповеди: никакие экологические вопросы не могут являться государственной тайной. Если они представляют угрозу для людей,

для окружающей среды, они должны стать достоянием общности.

Яблоков за это всегда стоял и этого добивался. И в этом, я думаю, у него было много соратников, среди ученых и среди коллег, с которыми он еще учился в Университете.. Одним из таких добрых друзей и его товарищей был Николай Николаевич Воронцов. Они вместе учились на биофаке МГУ и вместе прошли по жизни.

Благодаря, опять же, Алексею Яблокову, это удивительно – сохранилась вся их переписка. Еще с аспирантских лет и до того, как один из них стал членом-корреспондентом Академии Наук, А второй пытался избираться в Академию, но избран туда не был. Вот переписка Алексея Яблокова и Николая Воронцова - это такое, знаете, документальное свидетельство особых отношений.

удивительно принципиальных, трепетных и, знаете, таких распахнутых. Какими могут быть только действительно между людьми, по-настоящему увлеченными наукой.

Я думаю, его сила в его принципиальности. Яблоков не отступал. Если он в чем-то был уверен, будь то история с Чернобыльской катастрофой, или вопрос китобойного промысла, или какая-то другая, скажем, с экологической гласностью, никто не мог поколебать Яблокова в его убеждениях.. Даже если это вредило его карьере, даже его семье и близким, Яблоков от своего не отступал. Бывали случаи, когда даже его товарищи, может быть, даже и старшие, ученые, в том числе и из биологического профиля, в чем-то с ним не соглашались, тут Яблоков мог вступить в спор, с какими-то аргументами согласиться, но если это касалось личностных убеждений, его принципиальной гражданской позиции, вот здесь он не отступал никогда . Поэтому его кумиром был, _ в хорошем смысле слова, конечно – Андрей Дмитриевич Сахаров. И в конце жизни они сошлись. Я знаю, что в кабинете Алексея Владимировича висит портрет, вернее, фотография, где они с Сахаровым вдвоем. Когда ушел Андрей Дмитриевич, Яблоков написал о нем коротко, но очень хорошо: «Это был человек, который сидел, когда другие вставали или наоборот, вставал, когда другие сидели, и не боялся идти против ветра, если он был убежден, что так нужно поступать». Вот точно также поступал и Яблоков.

Я думаю, в этом была его внутренняя сила, и в этом, наверное, причина многих его достижений и на научном поприще, и в общественной работе, и как политика.

Иногда говорят, что Яблоков был популистом. Хватался за темы, ну, которые на слуху. И вспоминали многое. Его, например, работу по поводу китобойной, значит, комиссии. И, когда вставал вопрос о запрете промысла детенышей тюленя на севере нашей страны, или это касалось особенно ядерных дел.

Ведь мы знаем, что Алексей Владимирович был ну просто непримиримым противником атомной энергетики и особенно ее экстремальных форм. Например, плавучей атомной станции, которая все-таки построена в России и, наверное, будет работать в Певеке.

Он выступал неоднократно, и есть два переиздания его аналитической книжки, доклада, где он с аргументами и цифрами доказывает, что не может быть экономически оправданным такой способ получения электроэнергии.

И на этом, конечно, у него было очень много противников. Над ним порой насмехались, что как может специалист по морским млекопитающим выступать экспертом в области ядерной энергетики, оценивать опасность тех или иных реакторов, конструкций и так далее. А Яблоков не боялся это делать.

Однажды мы с ним встретились на большой конференции. Это было в Берлине вскоре после аварии на АЭС в Фукусиме.

Алексей Владимирович к тому времени подготовил переиздание, как я понимаю, своей работы по Чернобыльской катастрофе и там ее представлял.

Авторитет Яблокова в этой аудитории был, ну не то, чтобы непререкаемый, но его слушали и порой, может быть, над чем-то задумывались. Кто-то, может быть, из физиков-ядерщиков или биологов мог не согласиться, но аргументы Яблокова всегда были очень доказательные и, что называется, били в точку.

Вот он умел как ученый, как полемист, как человек, донести свою точку зрения до других, он в этом был силен.

Каким он был в жизни и в семье, в общении с близкими? Я, наверное, судить не возьмусь, потому что не настолько близок был к семье Алексея Владимировича, но могу сказать только одно, что

вот их сердечный союз с Дильбар Николаевной Кладо, причем, уже в зрелом возрасте, когда у того и у другого были взрослые дети... Конечно, он открыл какую-то совершенно новую, даже не страницу, а полосу жизни того и другого.

И многие, кто знал Яблокова прежде, отмечают, что это, ну, особому позволило ему раскрыться. И, наверное, Дильбар, которая была рядом, вдохновляла Яблокова как мужчину на какие-то, действительно, особенные, ну не то чтобы дерзкие, но принципиальные вещи.

И ей рядом с Яблоковым работалось хорошо. Мы в каком-то смысле были коллеги – вместе работали с Дильбар Николаевной в экологической программе на телевидении, но никакого административного влияния, поддержки со стороны мужа, который был советником президента, мы не ощущали.

Это программу точно также, с трудом порой приходилось продавливать в эфир и к нам также точно придирались начальники, и никакого влияния. Яблоков участия, во всяком случае, не принимал.

Но вот один раз я Яблокову сильно и по-хорошему позавидовал. Это было связано с посещением уникального ядерного объекта в Пензенской области.

Теперь это город Заречный, а тогда это был закрытый административный объект, город под названием Пенза 19.

Не секрет, что там был и есть секретный завод, на котором производилось, а потом разбиралось ядерное оружие. Моей мечтой, я много лет занимаюсь атомными темами и бывал практически во всех атомных городах, их 10 в России по сей день, моей мечтой было побывать на разборке ядерных боеприпасов, посмотреть, как это происходит. Мне всегда говорили: «Зачем тебе это надо? Ну, что такого ты там хочешь увидеть и почему именно ты должен там побывать? Это дело специалистов».

Так объясняли в Росатоме, так объясняли в министерстве атомной энергии еще СССР. А Алексей Владимирович сумел побывать как раз в Пензе-19 на линии сборки ядерных боеприпасов. Статус советника президента позволил это сделать. Мы знали, что он туда собирается и ждали, когда он оттуда вернется. И когда Яблоков вернулся, он ничего нам не рассказал. Он понимал, что допуск, который был ему обеспечен, накладывает определенные требования. И никакими тонкостями, подробностями,

впечатлениями он не поделился. Но позиции своей не поменял: ядерное оружие не навсегда. Ему очень нравилась книга Льва Петровича Феоктистова, переведенная на английский язык. Переводчик дал ей название «Nues are not forever». На русском она называлась «Оружие, которое себя исчерпало». Т.е. ядерное оружие рано или поздно должно быть уничтожено. За это выступал Яблоков. С этого он никогда не свернул. Я думаю, это так и будет когда-нибудь.

В Петрушово, к сожалению, я попал первый раз, когда Яблокова уже не стало. И с удивлением для себя обнаружил, что Алексей Владимирович не только мог прекрасно излагать свои мысли, выступать как ученый, но он очень многое умел и делал своими руками

Я просто был поражен! Ну, во-первых, мастерской, инструменту, как все у него, как у ученого, разложено по полочкам, по коробочкам, все подписано, чтобы не тратить, как у нас часто бывает, впустую время на поиски того, что ты положил и думал, что ты запомнишь, но ты забыл. А у Яблокова все на своем месте. Петрушово – это...ну... для Яблокова в определенном смысле своя Вселенная.

И вот при том, что и тот сад, который он начал создавать на пустующем поле за околицей, дом гостевой, который он построил с желанием принимать там друзей, товарищей, коллег. Все это – результат его отношения к жизни. Вот это как у крестьян по известной пословице: «помирать собрался, а жито сей».

Яблоков до последнего делал то, что считал нужным. Сажал яблони, хотя понимал, что, ну, за ними кто-то должен потом будет ухаживать.

Вот сегодня мы призываем, чтобы это стало делом тех, кому Яблоков дорог и поэтому акция «ЯблоковСад» получила такую поддержку.

Теперь в Петрушово, ну, кто может и кто хочет, приезжает тогда, когда он может, чтобы посадить яблоню, поухаживать за садом, что-то сделать полезное или, например, взять яблоню оттуда и посадить ее у себя в том или ином уголке России или еще куда-нибудь дальше. Много там всего любопытного, но есть «шутка по дереву», как я ее называю. Это такой флюгер – возвышается над их

садовым участком. И некоторым образом даже указывает на то место, где располагается ЯблоковСад. Я думаю, что это послание нам от Яблокова, указатель, что дорога к саду у каждого своя. Яблоков ее нашел. Дай Бог, чтобы каждый из нас нашел свою. Это, наверное, что-то чистое.... Вот чистое, растущее и прямое. Вот такое – негнибаемое, я бы даже еще сказал.

Яблоков был в молодости очень красив, если судить по фотографиям

И красивая была фигура. И вот, несмотря на то, что к своим уже преклонным годам он, может быть, иногда уже ходил не так строго и красиво, но в душе он не согнулся.

Вот эта прямота, эта убежденность...и бескорыстие, я бы сказал.

Вот это, это для меня Яблоков.